

УДК 343.614

**Доведение до самоубийства: социально-правовая оценка,
место в системе смежных институтов и уголовно-правовых норм и вопросы
совершенствования уголовного законодательства**

Сидоров Б.В.

Доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права
Казанского государственного университета

Михопаркин В.Г.

Старший помощник прокурора
Ленинского района г. Чебоксары

Дается социальная и уголовно-правовая характеристика института и состава преступления – «доведение до самоубийства», исследуются его связи с согласием потерпевшего, этаназией, соучастием в форме соисполнительства, прикосновением к преступлению, даются и обосновываются рекомендации по совершенствованию ст. 110 УК РФ и некоторых других статей уголовного закона.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, уголовно-процессуальное законодательство, участник уголовного процесса, уголовное преследование, обстоятельства, смягчающие наказание.

**Жизнь – благо по природе, и следует сделать все ради жизни, соответствующей наивысшему в себе.
Аристотель**

«Доведение до самоубийства» – сложное составное понятие, которое используется как самостоятельное определение преступления в ст. 110 УК РФ. Термин «доведение» («доводить») означает некое действие или некий поступок (чаще их совокупность), их продолжение, вызывающее в ком, в чем-нибудь какие-нибудь последствия [1, с. 172].

Словосочетание «доведение до самоубийства» означает, что таким пределом преступного поведения является самоубийство, то есть намеренное лишение себя жизни [2, с. 695]. Речь идет о провокационных действиях виновного, порождающих виктимное поведение потерпевшего. **Общим последствием** провокационных и, соответственно, виктимных действий указанных субъектов является **смерть потерпевшего**.

Смерть потерпевшего является прямым следствием намеренных (умышленных) действий последнего, вызванных, в свою очередь, непосредственно виновными действиями провокатора самоубийства.

Объективный и субъективный характер провокации [1, с. 807], именуемой «доведением до самоубийства», означает, что оно может выглядеть как неосторожное (чаще), так и умышленное (сравнительно реже) подстрекательство, то есть искусственное возбуждение будущей жертвы на самоубийство, ее вовлечение в процесс лишения себя жизни. Законодатель именует эти действия виновного как «доведение», а не «принуждение» [2, с. 807] или «понуждение» [2, с. 595] к чему-либо (в данном случае – к самоубийству), – которые могут совершать-

ся только умышленно, хотя способы их совершения могут совпадать.

«Доведение до самоубийства» есть поведение, осуществляемое любым, в том числе и насильственным способом. Лицо стремится создать ситуацию, при которой жертва его опасного поведения как бы «срывается» или принимает вполне осознанное решение «свести счеты с жизнью». При этом оно может действовать целенаправленно или только объективно опасно, когда оно даже не допускает, что потерпевший может решиться на самоубийство, но могло и должно было предвидеть такое развитие событий. Иными словами, «доведения до самоубийства» составляют общественно опасные, виктимогенные, объективно провоцирующие действия виновного, подталкивающие потерпевшего к самоубийству и являющиеся либо умышленным стремлением добиваться того, чтобы потерпевший покончил с собой, либо преступлением, совершенным по неосторожности. Возможны также случаи невиновного, объективно виктимогенного и стрессогенного поведения лица, которое неожиданно для него приводит потерпевшего к самоубийству, которое лицо должно было, но не могло предвидеть как последствие своих предосудительных и аморальных или даже противоправных действий. Все эти варианты виктимогенного поведения должны быть учтены и правильно оценены следователем и судом.

Проявление умышленного воздействия на потенциальную жертву с целью лишения ее жизни посредством виктимного поведения последней в форме убеждения, а не принуждения именуется в юридической литературе **склонением к самоубийству**.

В Модельном уголовном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств этот вид преступного посягательства именовался в таком же словосочетании и конструировался отдельно от нормы, определяющей ответственность «за доведение до самоубийства».

Термин «склонение» толкуется как действия, направленные на то, чтобы «убедить что-нибудь сделать, предпринять», «убедить в необходимости какого-либо поступка, решения» [1, с. 873].

Следовательно, было бы логичным и правильным подразделить «доведение до самоубийства», в том числе при определении уголовной ответственности за определенное внешнее воздействие, вызывающее самоубийство человека, на «доведение до самоубийства», «склонение к самоубийству» и «принуждение к самоубийству» [2, с. 253-279].

Хотя доведение до самоубийства в отличие от склонения к самоубийству и принуждения к нему по своему смысловому значению следовало бы рассматривать как **неосторожное** преступление, положения ч. 2 ст. 24 УК РФ, не дают оснований для такого утверждения, а определение этого преступления в ст. 110 УК РФ как неосторожного («неосторожное

доведение лица до самоубийства...») выглядело бы не совсем удачным, подобно, например, тому как в ст. 103 УК РСФСР 1960 г. звучало определение предусмотренного здесь преступления как «**умышленного** убийства».

При действующем уголовном законодательстве России **любое умышленное** принуждение, склонение или понуждение к самоубийству должно оцениваться как **посредственное** исполнение преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, с учетом положений ч. 2 ст. 33 УК РФ, определяющих ответственность лица, совершившего преступление посредством использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности.

В тех случаях, когда человеку, захотевшему уйти из жизни, но не сумевшему по тем или иным причинам это сделать, поможет другой человек, речь должна идти об убийстве. Согласие потерпевшего в таких случаях не исключает преступность деяния. В то же время оно может служить смягчающим обстоятельством, если дается потерпевшему в форме просьбы.

По уголовному законодательству некоторых государств, предусматривающему этот вид убийства при смягчающих обстоятельствах, требуется даже то, чтобы просьба потерпевшего лишить его жизни была достаточно очевидной и недвусмысленной. Так, согласно § 216 Уголовного кодекса ФРГ наказанию подлежит тот, «кто убивает другое лицо в результате категорической и настойчивой просьбы потерпевшего лишить его жизни...». Причем наказуемы и те, кто не вмешался в процесс преступного посягательства с целью его предотвращения.

Необходимость в оказании помощи людям возникает тогда, когда совершается преступное посягательство, требующее незамедлительного вмешательства с целью его предотвращения. Хорошим примером для отечественного законодателя могли бы послужить нормы, предусмотренные ст.ст. 223-3, 223-4 (Отдел 2), ст. 223-6 (Отдел 3) УК Франции, согласно которым уголовной ответственности подлежат те, кто оставил без помощи лицо, не способное себя защитить по причине своего возраста или психического состояния, а также те, кто, имея возможность своим незамедлительным действием, без риска для себя или третьих лиц, помешать совершению преступления или проступка против физической неприкосновенности человека, воздерживается от этого.

Уголовный кодекс Австрии также предусматривает ответственность тех, «кто бездействует с намерением, чтобы было совершено умышленное завершенное под угрозой наказания деяние, не предпринимает попыток предотвратить планируемое или уже начавшееся запрещенное под угрозой наказания деяние, или в случае, когда сообщение могло способствовать предотвращению такого де-

нения соответствующим органам или лицу, против которого направлено данное деяние» (§ 286).

Помогать ближнему, когда он находится в беде или когда ему грозит опасность, действовать во благо других людей, защищать их от опасностей, которые нависают над ними, – высшее предназначение человека. Гегель, например, писал: «Обязанности по отношению к другим – это в первую очередь правовые обязанности, которые нужно соединять со стремлением поступать справедливо ради справедливости. Остальные обязанности основываются на таком умонастроении, которое требует считать других равными тебе самому не только в качестве абстрактных лиц, но и в их особенности, а также рассматривать их горести и радости как свои и доказывать это деятельной помощью» [3, с. 202].

С неменьшей убежденностью Цицерон также утверждал: «Человек не может рассматривать другого человека как чужого именно потому, что он человек... Если бы дело обстояло иначе, то не было бы места ни для справедливости, ни для доброты» [3, с. 202].

Общество, действительно заботящееся о человеке, его воспитании и духовном развитии, стремится сделать жизнь людей безопасной и нравственной, их деяния и поступки – справедливыми, социально полезными и, желательно, благородными или даже героическими. Такое общество вправе ожидать от своих членов, выступающих в роли граждан, солдат, налогоплательщиков, сотрудников правоохранительных органов и т.п., поддержки и помощи в укреплении своих нравственных и правовых основ, преодолении возникающих трудностей. Лица, использующие свое право на смерть для достижения общественно полезных целей, вызывают своими поступками лишь уважение, признательность, добрую память и печаль в случае, если они становятся жертвами собственных общественно полезных поступков.

Общество, которое вынуждает людей решаться на добровольный уход из жизни из-за нищеты, голода, болезней, бесправия и отсутствия какой-либо жизненной перспективы, которое заставляют их с риском для жизни, теряя здоровье, продавать свои органы, соглашаться на рискованный, до конца непродуманный эксперимент и при этом еще оправдывает абсолютное право человека на смерть, на свободное и безраздельное распоряжение своей жизнью и телом, является больным, лицемерным и, по существу, преступным обществом.

Посягательство на жизнь как особо ценное природное благо недопустимо не только со стороны других лиц, но и со стороны того лица, которое обладает столь ценным даром.

Жизнь человека – не только бесценный дар природы, но и большая задача, долг, необходимость стремиться к высоким нравственным целям, при-

носить пользу другим людям, понимать и осуществлять свое жизненное призвание.

Право человека на жизнь реализуется в его индивидуальном бытии, во всех формах самоутверждения в обществе, в деятельности, связанной с борьбой за существование, за достойную и нравственную жизнь, против смерти ради жизни даже в самых неблагоприятных обстоятельствах. Это право предполагает обязанность государства и общества заботиться о существовании индивида, его физическом и нравственном здоровье как необходимой предпосылке существования и деятельности человека и гражданина, защищать его жизнь от посягательств, а также обязанность других индивидов и членов общества не оставлять его в опасном для жизни и здоровья состоянии, не оказывать никакого содействия в его стремлении покончить с собой и исключают его право на смерть, на свободный выбор между жизнью и смертью. Жизнь и смерть человека не являются и не могут являться равновеликими аксиологическими объектами. Мудрый Эзоп говорил: «Жизнь все-таки всегда лучше смерти» [4, с. 28].

Правильно, думается, поступили законодатели штата Нью-Йорк (США), предусмотрев в качестве обстоятельств, оправдывающих применение физической силы, случаи, когда «другое лицо вот-вот совершит самоубийство...», в связи с чем возникает необходимость предотвратить совершение этих действий, или когда это необходимо врачу или лицу, действующему под его руководством, для осуществления признанной формы лечения с целью содействия физическому или психическому выздоровлению больного...». Это правило отражает позицию зарубежного законодательства на соотношение жизни и смерти человека, на его предназначение и роль в обществе, роль самого общества в жизни каждого его члена.

Примечательно, что «умышленное причинение самому себе смерти» определяется как самоубийство. Это убийство самого себя и само по себе есть **убийство**. Оно ненаказуемо не потому, что не общественно опасно, а потому, что нет уже, по факту и к несчастью, того, кто должен отвечать за этот порок и одновременно трагический поступок, в живых, а наказание мертвого в любой возможной форме (например, в форме отказа от похорон на общем кладбище) неизбежно оборачивается не символическим, а вполне реальным наказанием живых – не виновных в содеянном родственников и других близких покойному лицу.

При покушении на самоубийство лицо действует не только опасно для себя, но и нарушает нравственные принципы общества, охраняемые законом. Однако наказание за неудавшееся посягательство на собственную жизнь нецелесообразно, поскольку основной итог содеянного – сохранение жизни субъекта суицида позитивный. Как известно, жизнь

является основным объектом уголовно-правовой охраны личности (человека), основным благом виновного потерпевшего. К тому же наказание за покушение на самоубийство не способно отвратить самоубийцу от повторного убийства самого себя, но добавляет к имеющимся новые страдания близким жертве лицам, новые трудности для нее самой. Невозбуждение уголовного преследования должно в таких случаях сопровождаться моральным осуждением и мерами социальной, психологической и иной профилактики и лечения покушавшегося на самоубийство лица.

Исходя из высказанных теоретических положений и замечаний, полагали бы целесообразным внести в действующий Уголовный кодекс России следующие изменения:

1. Ст. 110 УК РФ следовало бы изложить в следующей редакции:

«Статья 110. Доведение до самоубийства.

1. Доведение до самоубийства, то есть жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства либо иные противозаконные, либо аморальные действия, совершенные в отношении другого человека, вызвавшие самоубийство потерпевшего или покушение на его самоубийство,

– наказывается ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на тот же срок.

2. То же деяние, вызвавшее самоубийство или покушение на самоубийство двух или более лиц, – наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Примечание. Лицо, вызвавшее покушение на самоубийство, освобождается от уголовной ответственности, если оно приняло все зависящие от него меры, необходимые для предотвращения самоубийства.

2. Полагаем также целесообразным внести в действующее уголовное законодательство России нормы, предусматривающие ответственность за принуждение к самоубийству и склонение к нему, которые можно было бы изложить в следующей редакции:

«Статья 110-1. Принуждение к самоубийству.

1. Принуждение к самоубийству, то есть насилье или угроза насильем в отношении другого человека, совершаемые с целью вызвать его самоубийство, –

наказывается лишением свободы на срок до восьми лет».

2. То же деяние, совершенное:

а) в отношении двух или более лиц;

б) в отношении лица, о котором виновный обязан был иметь заботу;

в) из корыстных побуждений;

г) с целью скрыть преступление или облегчить его совершение;

д) в отношении потерпевшего, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста;

е) в целях использования органов или тканей потерпевшего, –

наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет».

«Статья 110-2. Склонение к самоубийству.

1. Склонение к самоубийству, то есть уговоры, обман либо иные противозаконные или аморальные действия с целью убедить другого человека в необходимости совершить самоубийство, если они вызвали его самоубийство или покушение на самоубийство, –

наказываются лишением свободы на срок от двух до шести лет.

2. То же деяние, совершенное:

а) в отношении двух или более лиц;

б) в отношении лица, о котором виновный обязан был иметь заботу;

в) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в беременном состоянии;

г) из корыстных побуждений;

д) с целью скрыть преступление или облегчить его совершение;

е) в отношении потерпевшего, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста;

ж) в целях использования органов или тканей потерпевшего, –

наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет».

Принуждение и склонение к самоубийству – два состава преступления, которые следует рассматривать как **посредственное** убийство, осуществляемое посредством использования для лишения жизни самих жертв. В связи с этим полагали бы уместным внести в ч. 2 ст. 33 УК РФ следующее дополнение **в конце параграфа**: после слов «... настоящим Кодексом» завершить характеристику посредственного исполнительства словами: «... **а также посредством использования самих потерпевших от преступления**».

3. В действующем УК РФ следовало бы предусмотреть в отдельной статье (ст. 108-1 УК) ответственность за убийство с согласия или по просьбе потерпевшего. Это было бы убийство, совершенное при смягчающих обстоятельствах, закрепленное как таковое непосредственно в уголовном законе. Тем самым на законодательном уровне был бы во многом решен вопрос об отношении законодателя к эвтаназии, вопрос, в котором много наносного и ложного. Ст. 108-1 УК РФ полагали бы сформулировать в следующей редакции:

«Статья 108-1. Убийство, совершенное с согласия или по просьбе потерпевшего.

1. Убийство, совершенное с согласия или по просьбе потерпевшего, то есть в результате ясно выраженного и добровольно вынесенного разрешения

или категорической и настойчивой просьбы потерпевшего, –

наказывается ограничением свободы на срок до трёх лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

2. Убийство двух или более лиц либо в целях использования органов или тканей потерпевшего, совершенное с его согласия или по его просьбе, –

наказывается лишением свободы на срок до восьми лет.

Считали бы целесообразным дать законодательное определение согласия потерпевшего как обстоятельства, исключающего преступность деяния и включить это обстоятельство в надлежащей формулировке в перечень обстоятельств, смягчающих наказание.

Определение согласия потерпевшего могло бы быть сформулировано в следующей редакции:

«Статья 41-1 . Согласие потерпевшего.

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам с согласия потерпевшего или по его просьбе, если оно было добровольным, давалось вполне осознанно, до начала совершения деяния, не преследовало достижение общественно вредных целей, касалось лишь тех прав и законных интересов потерпевшего, которые затрагивают сугубо его частное право или частный интерес и находятся в его свободном распоряжении, если просьба была категорической и настойчивой, и если при этом не было совершено превышения пределов допустимого вреда.

2. Превышением пределов допустимого вреда, причиненного с согласия потерпевшего или по его просьбе, признаётся причинение вреда таким благам и интересам, которые по своему характеру и значимости не могут находиться в его свободном распоряжении, либо явно выходящего за пределы, обусловленные согласием или просьбой потерпевшего.

3. Превышение пределов допустимого вреда, причиняемого с согласия или по просьбе потерпевшего, влечет за собой уголовную ответственность. Такое превышение может служить основанием для признания его в качестве смягчающего обстоятельства.

Литература:

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ Технологии, 1996. – 944 с.
2. Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность. – Казань, 1998. – 157 с.
3. Гегель. Работы разных лет. В 2-х т. Т.2. – М.: Мысль, 1971. – 630 с.
4. Таранов П.С. Философская афористика. – М.: Остожье, 1966. – 308 с.

Plaguing the life out: social-legal assessment, the place within the system of related institutes and norms of criminal law and improvement of criminal legislation

B. Sidorov
The Kazan State University

V. Michoparkin
Office of Public Prosecutor of Lenin area Cheboksary

The article is considered with social and criminal law characteristics of the institute and corpus delicti of the “plaguing the life out” crime; its connections with victim’s consent, euthanasia, complicity in the form of joint participation, contact to crime; substantiated recommendations regarding upgrading of rule 110 of the Criminal code and some other of its rules.

Key words: plaguing the life out, criminal procedure legislation, criminal proceeding participant, criminal prosecution, extenuating circumstances.